

Заканчивается рецензия похвалой Хвостову, которая предвосхищает известную речь Д. В. Дашкова в честь Хвостова, прочитанную в «Беседе любителей словесности наук и художеств» 14 марта 1812 г., в которой Хвостов провозглашался крупнейшим в мире поэтом.²⁷ Шаликов пишет: «Судя по переводу Теокрита, мы имеем причину думать, что переводчик его имеет по крайней мере столько же гения, сколько и славный поэт греческой».²⁸

Наконец, в июньском номере «Московского зрителя», т. е. действительно почти через полгода (февраль—июнь) после появления «Письма Петрония», мы находим исключительно грубое и резкое замечание, подписанное Издатель, т. е. сам Шаликов. К последним строчкам басни Бланка:

Иной лишь песенку, сонет или мадригал
К любезной написал,
А так уж о своем достоинстве мечтает,
Что с Гением себя равняет, —

сделана сноска, в которой Шаликов пишет: «А иной, что еще примечательнее, написал гнусной пасквиль и почитает себя остроумным сатириком. Но кто не вспомнит прекрасных Вольтеровых стихов?

On peut à Despréaux pardonner la satire;
Il joignait l'art de plaire au malheur de médire.
Les miel que cette abeille avait tiré des fleurs,
Pouvait de sa piquette à doucir les douleurs;
Mais pour un lourd frelon méchant imbécille,
Qui vit du mal qu'il fait, et nuit sans être utile,
On écrase à plaisir cet insect orgueilleux,
Qui fatigue l'oreille et qui choque les yeux.

Издатель».²⁹

Можно думать, что Шаликов писал это о Хвостове и что именно этот резкий отзыв имел в виду Хвостов, вспоминая спустя 26 лет о своей войне с князем Шаликовым.

При всех намеках на личности и личных неудовольствиях борьба между «Другом просвещения» и «Московским зрителем» носила принципиальный характер. Она является заметным эпизодом раннего этапа борьбы шипковистов с карамзинистами.

Анализ этой полемики имеет также известное методическое значение. Запись Хвостова лишний раз показывает, какие кон-

²⁷ ЧОИДР, 1861, кн. 4, отд. V, с. 183—186.

²⁸ Московский зритель, 1806, август, с. 69.

²⁹ Там же, июнь, с. 45—46. — *Перевод*: «Можно простить Депрео его сатиру. Он соединил искусство правиться с несчастием злословить. Мед, который эта пчела извлекает из цветов, успокаивает боль, нанесенную ее жалом. Что же касается тупого трутня, скверного дурака, который видит зло, им творимое, и вредит без пользы, то с удовольствием давят это спесивое насекомое, которое надоедливо жужжит в ушах и оскорбляет зрение».